

«МЫ» И «ОНИ»: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОСЕДСТВО В РАССКАЗАХ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ¹

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВА

Аннотация: На примере материалов фольклорных экспедиций 2013–2015 годов рассматриваются представления жителей белорусско-русского пограничья о своих этнокультурных соседях и принципы выделения «своих» и «чужих» групп.

Ключевые слова: русско-беларусское пограничье, этнокультурные группы, «свое» и «чужое», устная история.

“US” AND “THEM:” ETHNO-CULTURAL NEIGHBOURHOOD IN THE STORIES OF THE INHABITANTS OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDERLAND

Abstract: Based on materials from the folklore expeditions of 2013-2015, Belarusian-Russian borderland residents' perception of their neighbours and the principles of ethnic and cultural groups isolation are considered.

Keywords: Russian-Belarusian Borderland, Ethno-Cultural Groups, Oral History.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-24-01004 (м)).

В зонах смешанного этнокультурного проживания, на пограничных территориях, в анклавах на фоне постоянных контактов в процессе повседневного общения происходит наложение продиктованных фольклорной традицией устойчивых матриц восприятия этнических соседей (см. об этом, например: Белова, 2009) на индивидуально-конкретные впечатления жителей пограничья.

В 2013–2015 годах в рамках совместных проектов Лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета (Москва) и Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск) «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» и «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире» (Российский гуманитарный научный фонд – Беларуский республиканский фонд фундаментальных исследований)¹ фольклористы и этнолингвисты из России и Беларуси проводили полевые исследования пограничных районов (Смоленская, Могилевская, Витебская области). В центре внимания было комплексное описание устной традиции контактных зон.

Немаловажное место в рассказах о взаимодействии с ближайшими «заграничными» соседями занимают попытки выделения ключевых разграничительных/объединяющих маркеров, определяющих границы «своей» и «чужой» этнокультурных групп. При этом административные границы современных сопредельных государств в силу своей исторической изменчивости выступают лишь одним из нескольких, но отнюдь не главным критерием разграничения.

Показательны в этом отношении размышления жителей Велижского района Смоленской области о непостоянстве административного деления и о его влиянии на личную и групповую этнокультурную идентификацию:

«Мы находились под властью Польши сто девяносто два года. Вот, на... например, мой дедушка уже не полный поляк. А прабабка моя, Марья Гавриловна Пирожинская, была поляка. Но она уже обрусевшая была, потому что в тысяча пятьсот восьмидесятом году Стефан Баторий подошёл сюда, к Велижу, чтоб Велиж наш взять, это порубежный город был. За него Литва и Польша всё время, и Россия. Вот, это порубежный. <...> И белорусы, мы, в принципе, были беларусами. Ну, а когда паспортизация началась, тогда, как говорится... записали всех русскими». (БАГ, м., 1928 г.р., зап. в г. Велиж, 2013)²

¹ Сайт проекта: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/pogranichje/about.htm>

² Аудиозаписи цитируемых экспедиционных интервью и их текстовые расшифровки

«Ну это ж было, город же был это, под поляками. Да. Полностью был под поляками этот город. Тогда... мы относились вообще к Беларуси, туда. К Витебску. Туда, к Витебской губернии относились». (НАМ., м., ок. 1958 г.р., зап. в г. Велиж, 2013)

В приведенных рассказах переплетаются устная история и семейные предания.

Устойчивым маркером отделения «своих» от «чужих» традиционно выступают языковые отличия. В случае с их восприятием жителями беларусско-русского пограничья можно говорить о явлении «народной диалектологии», основанной на непрофессиональных наблюдениях над языковой ситуацией.

Несколько наших собеседников отметили, что задуматься об особенностях собственной речи им пришлось при помещении в новую языковую среду, когда взгляд со стороны не совпал с их личными ощущениями:

«В армии когда служил я, когда в армии служил, у меня уговор был ну, как беларусский почти. Как беларусы – так и я. <...> (Соб.³: Говор ваш был на беларусский похож, потому что в Селезнях так говорили?) Да-да-да-да, на беларусский похож, ну. Да на меня (нрзб.): «Что ты хоть, бульбаш, что ли?» Я грю: «Как я бульбаш? Я, – грю, – Смоленская область. Я, – грю, – бульбаш вам – Смоленская область». (НАМ., м., ок. 1958 г.р., зап. в г. Велиж, 2013)

«А я когда приезжаю, например, туда на север, ну, не совсем туда, ну, даже в Кировскую область, ну, туда подальше, мне сразу: «бело... э... бульбаш». Я уже молчу, потому что здесь как-то нормально...». (ГПТ, м., прим. 1947 г.р., зап. в г. Велиж, 2013 г.)

Жители граничащего с Россией Россонского района Беларуси склонны по языку объединять себя в одну группу с соседями (что вполне соответствует и лингвистическим наблюдениям – см., например, Антропов, 2014). Вместе с тем наблюдаются попытки диалектного разграничения жителей соседних беларусских деревень:

«(Соб.: А здесь, в Крашутах, так же разговаривают, как тут?) Ну, уже есть маленькая разница. (А в чём?) Вот у нас «верёвка» говорят, а там – «вяроўка». Во, уже! (Соб.: А всего-то 2 километра.) Четыре до Крашут. Ну, это старики, а сейчас молодёжь – всё сравнялось. <...> (Соб.: Не подшучивали, что там говорят не совсем так, как здесь?) Не, ну они говорят правильно по-беларусски: «вяроўка» будет. (Соб.: А они

хранятся в архиве Лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета. Каждый из приводимых здесь текстов сопровождается информацией об информанте (БАГ – инициалы, м. – мужчина, ж. – женщина, г.р. – год рождения), месте и времени записи интервью.

³ Собиратель.

по-белорусски?) Ну, да. (Соб.: А тут, получается?..) Ну, у нас тут вот – мы ближе к России уже». (ЛВВ, м., 1948 г.р., зап. в д. Бухово, 2015)

«А вот от нас отсюда вот когда едете вот в Краснополье, деревня там в стороне – Шилово. Но она в стороне стоит. А следушиша деревня – Крашуты. У нас вот хотя бы мы всё время говорим «Кряшуты», а у их вот почему-то – вот я не знаю, почему – у их «эр» всегда было твёрдое. У нас вон... у нас, например, мы говорим «верёвка», а у их всегда «вяроўка» была. Ещё что даже смеялись всегда, что «круг да вяроўка – рябая кароўка». Почему-то вот в деревне вот четыре километра, но вот такой был говор почему-то». (СГВ, ж., 1958 г.р., зап. в д. Бухово, 2015)

О субъективности такого рода «диалектного» разграничения говорит следующий пример, в котором информант отрицает названные выше отличия в говорах Больших и Малых Крашут (откуда были родом ее родители), но утверждает, что в «чужой» для нее деревне Шилово, куда она вышла замуж и которая расположена ровно на середине пути между двумя другими, говорили совсем иначе:

«(Соб.: Нам говорили, что люди по-разному разговаривали в Больших и в Малых Крашутах). Не знаю, гэтага я не помню. Я... Ма... мама ж моя з Больших Крашут была, а папа з Малых. Да вот мы... мы что, ходили – нам и там, и там было одинаково (у мяне яшчэ брат быў старший з тридцатого года). Дак разговор не знаю. <...> (Соб.: Может, где-то помягче говорят, где-то не так?) Не, у нас одинаково ў Крашутах говорили. Вот уже ў Шилове – помягче. Дак я пришла – тут уже помягче говорили». (МТР, ж., 1933 г.р., зап. в д. Шилово, 2015)

Помимо языковых отличий, значимых для формирования этнокультурных групп, жители русско-беларусского пограничья обращают внимание и на особенности регионального фольклора. На примере традиционных святочных песен делают вывод о том, что традиции Россонского района имеют больше общего с русскими, нежели с западнобеларусскими:

«(В разговоре о Святках: А пели что?) А это-то... тут это в Западной Беларусии тут это там. Там ещё более так. Здесь почти как в России тут». (ЛВВ, м., 1948 г.р., зап. в д. Бухово, 2015)

Анализ зафиксированных в ходе фольклорных экспедиций интервью показывает, что явление этнокультурного беларусско-русского пограничья как особой зоны, не совпадающей с административными границами и выделяемой на основании языковых, фольклорных, культурных особенностей, представляет собой не внешний исследовательский конструкт, но вполне осознается самими жителями порубежья, отмечающими культурные черты, объединяющие их с ближайшими «заграничными» соседями.

Библиография

1. Антропов, Николай (2014). «К истории научного обоснования белорусско-русского диалектного пограничья: запад – восток», *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст [тези доповідей міжнародної конференції]*. Київ: КММ.
2. Белова, Ольга (2009). «Свой-чужой», *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Москва: Международные отношения.